

Жадан Александр Владимирович

преподаватель кафедры общеправовых дисциплин
Владивостокского филиала
Дальневосточного юридического института
МВД России

**ИСТОРИКО-КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ
АНАЛИЗ УСЛОВИЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
МИЛИЦИИ ПРИМОРСКОГО КРАЯ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЫ (1941–1945 ГГ.)**

Аннотация:

Статья посвящена анализу политических, экономических, социальных, морально-психологических факторов, обусловливавших основные направления деятельности милиции Приморского края в годы Великой Отечественной войны. Автор приходит к выводу, что в сложившейся обстановке требовалась срочная реорганизация деятельности правоохранительных органов на работу в условиях военного времени. Основными задачами стали: решение кадровых проблем; организация взаимодействия с населением; усиление борьбы с общеуголовной преступностью; профилактика детской беспризорности и безнадзорности; борьба с дезертирством, уклонением от мобилизации; пресечение пораженческих слухов.

Ключевые слова:

Приморский край, Великая Отечественная война, милиция, причины и условия преступности, деятельность правоохранительных органов в военное время.

Zhadan Alexander Vladimirovich

Lecturer, General Legal Subjects Department,
Vladivostok branch of
Far East Institute of Law under the Ministry of
Internal Affairs of Russia

**HISTORICAL CRIMINOLOGICAL
ANALYSIS OF MILITIA ACTIVITIES
IN THE PRIMORYE REGION
DURING THE GREAT PATRIOTIC
WAR (1941–1945)**

Summary:

The article deals with the political, economic, social, moral and psychological factors affecting the main activities of militia in the Primorye Krai during the Great Patriotic War. The author comes to the conclusion that under the circumstances the law enforcement bodies needed to be reorganized to work in the conditions of wartime. The main objectives were: solution of personnel problems, organization of interaction with population, strengthening of crime control, prevention of children's homelessness and neglect, fight against desertion and evasion from mobilization, suppression of defeatist hearings.

Keywords:

Primorye Krai, Great Patriotic War, militia, reasons and conditions of crime, activity of law enforcement agencies during wartime.

Особенности характера деятельности правоохранительных органов, стоящих перед ними задач в тот или иной исторический период в значительной степени определяются политическими, социально-экономическими факторами, общественными настроениями. Историческому анализу геополитической, социально-экономической и морально-психологической обстановки в Дальневосточном регионе в годы войны были посвящены исследования целого ряда ученых [1; 2; 3]. Материалы указанных исследований позволяют охарактеризовать обстановку, сложившуюся в Приморском крае в рассматриваемый нами период, как крайне криминогенную.

Экономическими детерминантами преступности в то время становились такие явления, как экстренная мобилизация всех отраслей народного хозяйства и людских ресурсов, резкое увеличение норм выпуска продукции; объективно нараставшие в условиях широкомасштабной войны противоречия между социально-экономическими потребностями населения и возможностями государства в их удовлетворении, как следствие – падение уровня жизни значительной части населения до состояния физиологической выживаемости. Следствием подобных противоречий всегда становятся попытки некоторых лиц удовлетворять свои материальные потребности преступным путем. Безусловно, следует иметь в виду, что экономические факторы воздействуют на поведение людей опосредованно, преломляясь через сознание личности преступника, его морально-нравственные ориентиры. Дефицит товаров первой необходимости в государственных магазинах, недостаточное централизованное обеспечение населения продуктами вынуждали людей пользоваться услугами дельцов «черного рынка», которые имели доступ к товарам, хранившимся на государственных складах (в том числе поступавшим по ленд-лизу), системе их распределения. Зачастую люди были вынуждены продавать за бесценок ювелирные изделия и иные ценные вещи, чтобы накормить семью. Конечно, правоохранительные органы жестко пресекали посягательства на государственное имущество, деятельность различных спекулянтов, и тем не менее такая ситуация имела место. Криминогенными последствиями были бытовое недовольство, социальный дискомфорт, которые в условиях войны были особенно опасны, поскольку под-

рывали доверие к партийным и государственным органам, грозили перерасти в массовые беспорядки. С другой стороны, наличие людей, имеющих крупные нетрудовые доходы, привлекало к ним внимание криминального контингента (квартирных воров, вымогателей и т. д.), что способствовало росту общеуголовной преступности.

Серьезное влияние на уровень преступности оказывают условия труда: организация трудового процесса; физическая тяжесть (легкость) труда и его психологическая напряженность; санитарно-гигиенические, эстетические и культурно-бытовые условия; социально-психологическая атмосфера в коллективе; отношения с администрацией и руководством. К сожалению, в обстановке военного времени и форсированной перестройки народного хозяйства на военный лад условия труда были крайне тяжелыми. Между тем криминологами уже давно доказано, что представители тяжелого и неквалифицированного труда намного чаще других лиц совершают такие насильственные преступления, как убийства и тяжкие телесные повреждения [4, с. 34].

Отдельно следует отметить характерную в эти годы для всей страны неблагоприятную криминологическую обстановку среди несовершеннолетних. Уход значительного числа мужчин на фронт, занятость матерей на производстве (более 50 тыс. бывших домохозяек овладели рабочими специальностями и встали к станкам в Приморье за годы войны [5, с. 98]) обусловили фактическую безнадзорность десятков тысяч детей.

Массовый призыв молодежи в ФЗО приводил к тому, что тысячи молодых людей отрывались от своих семей, зачастую попадая из деревень в городскую среду, испытывали недостаток денег и продуктов. С.А. Власов описывает эту ситуацию так: «Тяжелый труд, интенсивная учеба, участие в воскресниках и других мероприятиях общественного характера при скудном питании и недостатке полноценного отдыха – все это было каждодневной обыденностью юношей и девушек военных лет. ... Родители не желали отпускать детей. Главный их аргумент – в училищах и школах ФЗО собраны двоечники, хулиганы, беспризорники и т. п. Ребенок, попадая в такую среду, испортится, научится плохому, сам превратится в хулигана» [6, с. 45–50]. Действительно, контингент, мобилизованный в ФЗО, собирался разнообразный, в общежитиях не редки были бытовые кражи, в том числе продуктовых карточек [7]. Имели место случаи поножовщины [8].

Серьезное деморализующее значение оказывали негативные новости первых месяцев войны с линии фронта, которые обрастали массой слухов и становились еще более устрашающими. Эти новости расходились с официальной пропагандой предвоенных лет о непобедимости Красной армии. Реальность военной угрозы со стороны Японии усиливала это воздействие. У психологически неустойчивых, внушаемых граждан потеря доверия к руководству страны и государственному механизму в целом могла сочетаться с потерей уважения к нормам права, установленным этим государством, стать психологическим оправданием для совершения преступлений.

Таким образом, на основе сочетания методов исторического исследования и криминологического анализа мы можем сделать следующие выводы.

В годы Великой Отечественной войны в Приморском крае объективно сложилась криминологически опасная обстановка, детерминированная целой совокупностью внешнеполитических, социально-экономических и психологических факторов. В этих условиях требовалась срочная реорганизация деятельности правоохранительных органов на работу в условиях военного времени. Необходимо было срочно решать проблемы отбора, обучения, профессиональной подготовки и воспитания кадров взамен сотрудников, ушедших на фронт. Важной задачей стало сохранение доверия населения; привлечение активных, сознательных, патриотично настроенных граждан к выполнению задач по охране общественного порядка, пресечению и раскрытию преступлений. Необходимо было усилить борьбу с общеуголовной преступностью. Особого внимания требовала профилактика преступности среди несовершеннолетних, борьба с детской беспризорностью и безнадзорностью. Военное время также порождало новые для приморской милиции задачи борьбы с дезертирством, уклонением от мобилизации, пресечения пораженческих слухов.

Ссылки:

1. Исаев А.А. Общество Дальнего Востока в условиях японской опасности (1930-е – середина 1940-х гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2006. 210 с.
2. Камардина Н.В. Изменение идеологии советского общества в 1941–1953 гг. (на материалах Дальнего Востока СССР) : дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2007. 207 с.
3. Ткачева Г.А. Оборонный потенциал Дальнего Востока СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) : дис. ... д-ра ист. наук. Владивосток, 2012. 562 с.
4. Криминология : учеб. для вузов / под ред. В.Д. Малкова. М., 2006. 528 с.
5. История советского Приморья : учеб. пособие / под ред. А.И. Крушанова. Владивосток, 1976. 143 с.
6. Власов С.А. Молодежь Приморского края в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 6 (56) : в 2 ч. Ч. II. С. 45–50.
7. ГАПК (Гос. арх. Примор. края). Ф. П-435. Оп. 1. Д. 35. Л. 61.
8. ГАПК. Ф. П-68. Оп. 6. Д. 42. Л. 96.

References:

1. Isaev, AA 2006, *The Company of the Far East in the conditions of the Japanese danger (1930 - mid-1940s.)*: PhD thesis, Vladivostok, p. 210.
2. Kamardina, NV 2007, *Change the ideology of Soviet society in the 1941-1953 biennium. (on materials of the Soviet Far East)*: PhD thesis, Vladivostok, p. 207.
3. Tkacheva, GA 2012, *The defense potential of the Far East of the USSR in the Great Patriotic War (1941-1945)*: D.Phil. thesis, Vladivostok, p. 562.
4. Malkov, VD (ed.) 2006, *Criminology*: textbook, Moscow, p. 528.
5. Krushanova, AI (ed.) 1976, *History of the Soviet Primorye*: manual, Vladivostok, p. 143.
6. Vlasov, SA 2015, 'Youth of the Primorsky Territory in the Great Patriotic War (1941-1945)', *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Theory and practice*, no. 6 (56), in 2 parts, part II, pp. 45-50.
7. GAPE (Gos. Arch. Primor. Edge). f. p-435, op. 1, d. 35, l. 61.
8. GAPE. f. p-68, op. 6, d. 42, l. 96.